

Софья АГАЧЕР

Продолжение. Начало в № 7, 8, 9, 10, 11 за 2017 год

ТВОИМИ ГЛАЗАМИ

Рисунок Настасьи Поповой

— Привет, давно ждешь? Я очень рад тебя видеть сегодня, — сказал Джон и пожал протянутую Ваней руку.

— Да нет, минут десять. Ну, потопали в зал, а то желающих много, не будет свободных мест, — ответил Герцев-младший, радуясь встрече с новым американским другом.

Начался просмотр фестивальных кинолент. Их было показано двенадцать, примерно по пятнадцать минут каждая. Все документальные фильмы были посвящены тому, как молодежь различных стран готовилась к поездке в Советский Союз. Правда, если бы Джон не знал, как герои кинолент приехали в Москву на фестиваль молодежи и студентов, то он решил бы, что все они добрались сюда с риском для собственной жизни и свободы ради выполнения особо важной миссии — как минимум по спасению человечества. Американец тихонько переводил Ване с испанского, а Ваня Джону — с русского. Последним показали дипломный фильм студентов института кинема-

тографии «Сказка о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове».

С экрана кинотеатра в зрительный зал смотрел пузатый противный буржуй в клетчатых коротких брюках, жилетке и пиджаке, с цилиндром на голове. Он схватил худенького Мальчиша-Кибальчиша и зловеще шипел: «Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово?»

— Иван, переводы, переводы, пожалуйста! Очень смешно, но я ничего не понимаю. Здорово, это же русские комиксы, как у нас Супермен, Капитан Америка, Бэтмен. Ты мне можешь их купить? Я привезу их домой, это будет бомба! Мой редактор придет в неистовый восторг, я тебе обещаю. Комикс о Толстом Буржуйе! Новый Скрудж Макдак! — захлебывался смехом Джон.

Фестивальный показ фильмов завершился, экран кинотеатра погас, и ребята вышли на улицу.

— Иван, а кто тебе писал сценарий фильма, помогал его

монтировать? — заинтересованно спросил американец.

— Сценарий писал я сам, а монтировать помогала Вера Сергеевна, удивительная женщина, она ведь работала с самим Сергеем Михайловичем Эйзенштейном. Очень жаль, что фильм может быть только пятнадцатиминутным. У меня осталось еще много отснятого материала, часа на два, и за десять дней фестиваля я накрутил еще больше, — стал быстро объяснять своему новому другу Ваня.

— Превосходно! Я тоже в Нью-Йорке научился многому у одного потрясающего русского фотохудожника Алекса Бродовича. Слушай, а можно посмотреть отснятые тобою пленки? — вцепился в Ивана Джон.

— Думаю, что да! Если хочешь, то завтра, тоже часов в шесть, подтягивайся на Лесную улицу, в Московскую студию документальных фильмов. Обычно в это время в монтажной уже никого нет, и я смогу показать тебе всю фестивальную

тому, — с готовностью откликнулся на предложение американца Иван.

— Договорились, спасибо тебе, до завтра. Хорошей ночи, — попрощался Кор и протянул русскому другу на прощание руку.

— И тебе тоже. Пока! — с радостью воскликнул Иван, отвечая на рукопожатие Джона.

Назавтра ребята встретились у входа в киностудию. Старенькая вахтерша в синем халате приветливо заулыбалась Ване.

— Здравствуйте, тетя Аглая, как ваш ревматизм? — поинтересовался заботливо юноша.

— Храни, Господи, твоего отца, Ванечка, и всю вашу семью! Мажу мазью, что ты принес мне, колени и локти, и стала намного лучше двигаться, болит меньше, — тепло ответила ему пожилая женщина.

— А я вам, Аглая Федоровна, захватил еще баночку, отец передал, держите, — продолжал беседу Иван.

— Хороший человек твой отец, Ваня, светлый! Спасибо ему передай, низкий поклон от меня и мамушке твоей! А это кто с тобой? Новенький, что ли? — внимательно посмотрела вахтерша на американца.

— Новенький, новенький, это мой друг. Мы поработаем в монтажной немного? — несколько смущенно спросил Ваня.

— Знаю я ваше немного. Опять всю ночь сидеть будете. Да дело ваше, — проворчала пожилая женщина, сняла с гвоздя и протянула молодым людям большой стальной ключ.

Ребята открыли дверь и вошли в небольшую комнату. В комнатухе на стене белело потрепанное

полотно, а напротив стоял старенький кинопроектор. Ваня отлучился куда-то и притащил коробку с отснятой пленкой. Парни устроились на потертых венских стульях и начали отсматривать материал. Джон прямо впился глазами в экран, периодически поглядывая на часы и лихорадочно что-то записывая в свой блокнот. Герцев-младший через какое-то время приволок другую коробку, доверху наполненную бобинами, затем принес еще и еще новых пленок... Четыре часа пролетели совсем незаметно. Ваня по ходу объяснял, где, когда и кого он снимал.

— Какой у тебя интересный киноматериал, Иван, особенно по подготовке фестиваля. Церемония открытия тоже получилась великолепно, это просто исторические кадры, их должен увидеть весь мир. А у меня в вечер открытия фестиваля сломалась камера, и я не смог работать. Для меня это просто катастрофа! — с горечью произнес Джон, немного покраснев от своей маленькой лжи.

— Это не проблема, я наиболее интересные пленки стараюсь дублировать для своего личного архива, и у меня есть копии дофестивальных съемок и церемонии открытия тоже. Но они имеют свою особенность. Все мои копии сделаны на «остатках оси» — я беру хвосты пленок из различных серий, монтирую их, а потом копирую необходимые материалы в копировальной мастерской, где я подрабатываю лаборантом, но это большой секрет. Если кто-нибудь узнает, у меня будут большие неприятности. Ведь в нашей стране копирование киноматериалов про-

изводится только по специальному разрешению. Если тебя устроят такие копии и ты дашь мне честное слово, что не расскажешь никому, откуда они у тебя, я смогу тебе их подарить, — неожиданно для самого себя предложил Иван новому американскому другу, понимая, какую горечь и даже физическую боль должен испытывать кинооператор, чья камера сломалась накануне события, ради которого он пересек океан.

— Иван, ты потрясающий друг, я сделаю фильм о Москве, фестивале, о тебе и обо мне, о нашей дружбе, открытости, любви и взаимопонимании... — возбужденно и быстро заговорил Джон, взяв обе руки Ивана в свои и пристально глядя ему в глаза.

Ваня вдруг перестал слышать слова Джона, его тело стало каким-то податливым, ноги ватными, внизу живота разорвался огненный шар, по лицу и ладоням потек пот, а голова отказывалась соображать. Сквозь густую пелену такого сладкого и такого желанного тумана Иван с трудом различил стук в дверь, а потом и женский голос:

— Мальчики, хватит здесь слепнуть в темноте, у меня чай вскипел, есть сало, хлеб, мед с летними яблоками, белым наливом, вкусно-тища, проголодались небось, — с этими словами тетя Аглая открыла дверь в монтажную и включила свет.

Иван глубоко вздохнул и вынырнул в реальность, выскользнув из ладоней Джона, встал и торопливо вышел мимо пожилой вахтерши в коридор.

— Спасибо вам, Аглая Федоровна, за приглашение, но мы закончили работу и сейчас уходим. Да и мама ждет

меня к ужину, — с трудом выбираясь из непонятного для себя состояния, ответил на ходу Ваня.

Он выскочил из монтажной в коридор, зашел в туалет, где открыл кран с водой и засунул голову под сильную ледяную струю. После этого стало легче, паника ушла, перестало стучать в висках, вернулась способность сообщать.

«Что это было, гипноз, тепловой удар или?.. Так, стоп, надо взять из моего железного шкафа копии пленок, отдать их Джону — и домой, бежать немедленно домой...» — обрывочно сообщал Иван.

Немного успокоившись и придя в себя, Герцев-младший двинулся в хранилище, открыл дверцу шкафа, взял коробки с пленками и, еще довольно плохо отдавая себе отчет в своих действиях, вернулся в монтажную и вывалил бобины на стол.

— Вот, Джон, это копии, что я тебе обещал, но я еще раз хочу повторить тебе условия. Ты никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не расскажешь обо мне и о том, что эти киноматериалы ты получил от меня. Дай мне честное слово, а сейчас мы должны прервать нашу работу, — твердо произнес Ваня неожиданно для себя самого.

— Иван, я даю тебе честное слово, что никогда, никому, ни при каких обстоятельствах я не расскажу о тебе и о том, что эти киноматериалы передал ты, — как зомби, повторил за ним Джон. — Хотя я не совсем понимаю, что происходит сейчас. Если я тебя чем-то обидел, то прости меня, пожалуйста, — растерянно произнес американец.

— Спасибо, забирай эти коробки, они твои. Глупости, ты ничем меня не обидел, просто моя мама вернулась из Никольского, и я обещал ей быть сегодня вечером дома. Пойдем, друг, я провожу тебя до автобуса, — неуклюже выворачивался из странной ситуации Ваня, на самом деле панически испугавшись непонятного влечения к этому столь симпатичному и необычайно открытому американскому парню.

Ребята вышли из подъезда студии. Иван, опустив голову, шел рядом с Джоном, тщательно избегая его взгляда. Так, молча, они добрались до автобусной остановки.

— Ну, мне пора, прощай, Джон, привет Америке! — скороговоркой пробубнил Иван, и, впервые за время их знакомства не подав Джону руки, повернулся и быстро зашагал по направлению к метро.

11. ПОПЫТКА

Во дворе дома Герцевых под старой липой сидел мужчина лет сорока: ничем непримечательной внешности и в довольно непрезентабельной одежде, пройдешь мимо — не заметишь.

— Добрый вечер, Иван Михайлович, не могли бы вы присесть рядом со мной, есть разговор к вам, — вежливым и бесцветным голосом остановил парня незнакомец.

Тело Ивана моментально стало деревянным, и он, двигаясь неестественно четко, сел на край скамейки рядом с человеком в штатском.

«Как быстро, как быстро... — стучало у Вани в голове. — Они уже все знают про меня и Джона. Неужели

тетя Агния успела наступать? Ну конечно, американец ведь выносил большой пакет с пленками, она не могла не заметить этого».

— Я вижу, вы, Иван Михайлович, человек умный, наблюдательный, не зря фотографией и киносъемкой увлекаетесь. Лишних вопросов не задаете. Прекрасно. У меня к вам будет просьба: взять бумагу, ручку и написать подробно о ваших контактах, встречах и разговорах с гражданином США господином Джоном Кором. А потом все это передайте вашей бывшей однокласснице и соседке Надежде Борисовне Грибковой. И мой вам совет: не затягивайте с этим. До свидания.

Мужчина поднялся и растворился в темноте, как будто его и не было.

Ваня вышел из лифта, звякнул ключами, дверь соседской квартиры отворилась. На пороге в домашнем халате стояла Надя, приложив палец к губам, и приглашала его зайти.

— Ванечка, тихо, не говори ничего, пройди в кабинет, папа тебя ждет, — прошептала девушка и двинулась вглубь квартиры, показывая Ивану путь.

За массивным столом с настольной лампой под традиционно зеленым абажуром в кресле с высокой резной спинкой, обитой черной кожей, сидел седой мужчина лет шестидесяти пяти, с круглым приятным лицом, одетый в мягкую домашнюю куртку и такие же брюки. На столе стояло два стакана чая в оловянных подстаканниках и большая тарелка с бутербродами.

— Здравствуй, Иван! Садись, будем чай пить и беседовать. Как ты думаешь, найдется у нас о чем поговорить? —

проговорил Надин папа, взял бутерброд, аппетитно откусил от него приличный кусок и шумно запил чаем.

Ваня обреченно кулем упал на стул и опустил голову.

Благо лампа освещала только поднос с едой, оставляя лица собеседников в тени.

— Здравствуйте, Борис Павлович. Я надеюсь, Анастасия Петровна на даче устроилась хорошо? Спасибо за угощение, но я не голоден, — с трудом выдавил из себя слова Ваня.

— Спасибо тебе, Иван, огромное, за то, что помог переехать на дачу моим девочкам, а то сам знаешь, в Москве жарко, душно, дышать из-за раскаленного асфальта абсолютно нечем.

Так что я твой должник, а в должниках я ходить не люблю. Сам знаешь, долг платежом красен. Ты ведь в курсе, где я работаю, объяснять не надо. Так вот, недавно мне принесли сводку о твоих контактах с американцем. С тобой по этому вопросу только что встречался один из сотрудников моего управления, но меня интересует несколько другие аспекты, которые обычно опускаются в официальном документе. Для меня важно не только знать фактическую сторону вопроса: где, кто, когда, с кем и о чем, но и услышать твое личное мнение, что за человек этот американец: смелый или трусливый, придет на помощь другому или нет, влюбчивый или расчетливый, какое впечатление производит на людей, кого любит — женщин или мужчин? Считает ли он тебя своим другом? А ты его? Непростой парень этот твой Джон Кор! Если кое-что срастется, возможно, ты даже съездишь к нему в гости.

Так что беседы нам предстоят с тобой долгие. Да ладно, об этом потом, а сейчас иди отдыхай.

И вот еще... Все хотел тебе сказать. Дружите вы с Надей уже лет пять. Дружите и дружите, а дальше этого дело у вас не идет. Иссохла девка по тебе совсем. Ты меня не бойся, я мужик нормальный. Дочь свою люблю и для нее все сделаю. Ну да ладно, сами разберетесь. Спокойной ночи. Надюша! — громко позвал дочь Борис Павлович. Девушка открыла дверь кабинета почти сразу же, как будто стояла за дверью в коридоре. — Доченька, проводи гостя!

Надя довела Ивана по темному коридору за руку, поцеловала его в щеку и закрыла за ним дверь. Когда Ваня вернулся домой, родители уже спали. На кухне он выдвинул ящик стола, достал оттуда коробку с порошками, налил в кружку воды. Прошел к себе в комнату, поставил кружку и коробку на стол. Затем зажег лампу, открыл коробку, взял порошок, развернул бумагу, высыпал содержимое в рот и сделал глоток воды. Та же участь постигла и второй порошок, а за ним третий, четвертый, и так, методично и спокойно, Ваня выпил все двадцать порошков, что были в коробочке. Во рту Иван почувствовал невероятную горечь, голова закружилась, он упал на пол и потерял сознание.

В тот вечер Елена Андреевна своего сына Ваню не дождалась, уснула. Внезапно она проснулась от того, что ночная птица залетела в форточку спальни и начала биться о стены и кричать. Михаил Михайлович спокойно встал с постели, поймал птицу и выпустил

ее в окно, а Елена Андреевна вскочила и побежала в Ванину комнату.

— Миша, Миша, скорее сюда! — закричала она из комнаты сына.

Герцев-старший бросился на крик — и увидел сына, лежащего на полу в собственной блевотине, обезумевшую жену на коленях у его тела и открытую коробку из-под лекарств на столе. Он нагнулся, положил пальцы на шею сына — пульс на сонной артерии еще прощупывался. Слава богу, жив! Герцев-старший открыл рот юноше и вытащил его язык.

— Лена, соберись, Иван жив, помоги мне, мы его спасем, он будет жить! — громко и четко произнес Михаил Михайлович, стараясь вывести жену из шока. — Держи его голову одной рукой вот так, а язык другой. Я на кухню за всем необходимым, сейчас вернусь, — уверенно и спокойно продолжил он, правильно располагая руки жены на голове сына. Через несколько минут он вернулся, неся в одной руке ведро воды, а в другой шланг, воронку и пустой таз.

— Так, встань на колени, возьми его голову двумя руками, зафиксируй и держи ее во что бы то ни стало.

Ванин отец ввел зонд в его желудок и начал кружкой, что взял со стола, наливать в шланг через воронку воду. Перелив таким образом пару литров, он опустил шланг в таз. Он лил и лил холодную воду в воронку, на голову Ивану, в лицо себе и Елене Андреевне. Вокруг них растекалась огромная лужа человеческой блевотины, в центре которой коленапроклоненная женщина держала голову своего сына и молилась. Через

какое-то время Иван начал давить и открыл глаза.

— Лена, теперь стаскиваем с него одежду и перекладываем мальчика на кровать. Сворачивай одну подушку под его шею, другую — под колени. Отлично, теперь накрываем Ваньку сухим одеялом. Иди на кухню поставь чайник, наполни горячей водой грелки, принеси их мне, а потом переоденься в сухое сама. Быстрее, родная, пожалуйста, все будет хорошо.

При этих словах отца Иван открыл глаза, из его глаз и носа текло, тело бил крупный озноб.

— Ваня, сынок, ты меня слышишь? Поморгай глазами, если слышишь, молодец. Все будет хорошо, мальчик мой, мы ото всех отобьемся и всех победим. Папа и мама с тобой, мы тебя очень любим. Сейчас введем слабительное, удалим зонд и поставим капельницу с глюкозой. А теперь попей из трубочки. Молодец! Лена, сядь рядом с ним. Я все сам потом уберу, — произнес Михаил Михайлович, усадил на кровать рядом с сыном жену, предварительно забрав у нее две горячие грелки и засунув их под одеяло.

Елена Андреевна держала Ваню за руки, чтобы он не дернулся случайно и не порол себе иглами вены, губы ее шевелились, она молилась, ритмично двигая головой из стороны в сторону, как будто накачивала потоком животельной силы сердце сына. Женщина представляла себе огромный могучий дуб с мощными корнями, уходящими глубоко в землю, и сливалась сознанием с ним. Она черпала силы у воображаемого дерева и передавала их своему сыну. Иван порозовел и заснул,

дыхание его стало глубоким, а пульс ровным.

Джон вернулся к себе в гостиницу ближе к полуночи, соседей по комнате не было, а на кровати сидел Стив и ждал его.

— Привет, ну, как прошла встреча с твоим новым русским другом Иваном Герцевым? — спросил он без каких-либо предисловий Джона, глядя на него в упор.

— Превосходно! Представляешь, он мне подарил копии снятых им материалов о подготовке Москвы к фестивалю и церемонии его открытия. Как ты помнишь, сам я снимать ее не мог, поскольку ты забрал у меня камеру с кадрами обрушения здания на Колхозной площади! — воскликнул Джон и начал стягивать с себя рубашку, насквозь промокшую от пота.

— Очень хорошо, у меня есть к тебе предложение — отдай мне эти пленки на хранение, а на пароходе, следующем в США, я тебе их верну. Могут быть провокации на границе. Я думаю, ни тебе, ни Ивану не нужны крупные неприятности. У тебя-то просто пленки изымет КГБ, а вот друг твой может попасть в лагерь. Ведь в СССР копирование киноматериалов без специального разрешения запрещено законом, а уж передача этих копий иностранцу в этой стране вообще приравнивается чуть ли не к измене Родине. Так что надо спасти твоего друга! А пока вот тебе бумага и ручка, постарайся написать подробно о ваших встречах, мне нужен твой письменный отчет через два часа. И не возражай, а помни прежде всего о том, что ты гражданин своей страны и обязан действовать в ее интересах, а кроме того, у меня тоже должна быть

отматка перед своим начальством — с какого дуба я рисковал и почему прятал и спал пленки твоего друга. Не грусти, придет твой Иван еще к тебе в гости. КГБ никогда не упустит такого случая подsunуть нам своего человека, если, конечно, твой приятель не сорвется с их крючка, или я ничего не смыслю в этих играх, — рассмеялся Стив, похлопал Джона по плечу и вышел из комнаты.

Через несколько дней после той страшной ночи Борис Павлович работал в своем кабинете. Напротив него на столе лежала открытая серенькая картонная папка с материалами наружного наблюдения за Иваном Герцевым и стенограммами прослушки его квартиры за последние пять дней. Генерал хмурил брови и был явно чем-то встревожен. Раздался стук в дверь, и в кабинет заглянула русая голова Надежды.

— Заходи, заходи, принцесса, как раз ты вовремя, устраивайся поудобнее — вот здесь на диванчике, — поприветствовал генерал дочь, встал из-за стола и приземлился рядом с ней. — А скажи мне, родная, как там Ванька твой поживает? Что-то не заходит в гости последние дни, да и ты дома сидишь, как пришитая?! Случилось что? Или поссорились? — неожиданно мягко начал разговор Борис Павлович с Надей.

— Да не знаю я, папа, никаких подробностей, сама очень волнуясь за него. Три дня тому назад я вернулась с дачи, звоню Герцевым по телефону, а трубку никто не берет. Ну, думаю, Михаил Михайлович как всегда на работе, Елена Андреевна в Никольском на даче, а Ванька носится по горо-

ду со своей камерой и снимает фестиваль. Последние два дня по телефону отвечает только Елена Андреевна и говорит, что Ваня не может подойти к аппарату, потому что болеет и спит. На мою просьбу прийти к ним в гости и провести Ивана она вежливо сказала, что мне перезвонит, когда Ване станет лучше, и тогда только я смогу его навестить. Странно это все. И сам Иван не дает о себе знать, такого раньше никогда не было, — грустно и растерянно рассказывала девушка.

— Наденька, а скажи мне честно, ну зачем тебе этот оболтус Ванька? Столько рядом с тобой крутятся красивых и толковых ребят, офицеров из моего окружения. И каждый из них был бы счастлив стать твоим мужем! — говорил Борис Павлович, нежно накрыв своей ладонью руки дочери.

— Извини, папа, но любой из твоих офицеров скорее стремится стать твоим зятем, чем моим мужем. Для них самое важное — это карьера и материальное благополучие, а я любви хочу! Хочу мужа, который будет любить не погони моего отца, а меня,

понимаешь, меня! Хочу просто ждать мужа с работы, кормить его обедом, рожать ему детей и растить их вместе с ним. Извини, но я не готова повторить судьбу своей матери! Не хочу ждать мужа из длительных командировок! Не хочу сидеть у его больничной койки после ранения в госпитале! Не хочу вскакивать по ночам от звонков по телефону. Я хорошо помню тот твой чемодан, который долго-долго стоял у нас в прихожей на случай, если за тобой срочно приедут. Папочка, я устала бояться за своего самого любимого мужчину еще в детстве, так что в сознательной жизни я не хочу иметь в мужьях потенциального героя, а предпочитают быть женой простого, доброго человека с замечательной, гуманной профессией врача! — продуманно и настойчиво произнесла Надя, твердо глядя отцу в глаза.

— Ну что ж, может, ты и права, принцесса, время героев уходит, наш закрытый мир начинает трещать по швам, люди хотят жить по своей воле, а не по чьей-то указке! Будь счастлива со своим Ванькой, все-таки у меня единственная дочь, и я надеюсь,

моя девочка заслужила быть счастливой. Договорились, я не буду вам мешать! Живите как считаете нужным и правильным для себя, а я и твоя мама будем рады на старости лет повозиться с внуками. А сейчас иди, мне надо еще немного поработать для этого, — закончил генерал разговор с дочерью, встал с дивана, сел за стол, подождал, пока за Надей закроется дверь, и начал в который уже раз просматривать материалы из серой папки, по-прежнему лежащей у него на столе.

Потом поднял голову и долго в задумчивости смотрел на телефонный аппарат, снял трубку, набрал номер и произнес:

— Это генерал-майор Грибков. Приказываю снять наружное наблюдение с Ивана Герцева и отключить прослушку его квартиры.

Затем потряс головой, закрыл серую папку, аккуратно завязал на ее боку ленточки и написал красным карандашом: «Иван Михайлович Герцев, 1933 г. р., по состоянию здоровья к оперативной работе не пригоден. Генерал-майор Грибков Б. П., 6 августа 1957 г.».

Продолжение следует.

США

